

В театре у РОЗОВСКОГО - аншлаги, и зальчик набит битком. Можно сказать, что зальчик маленький и его набить просто. Можно сказать, что Розовский талантлив и ставит хорошие спектакли. И то и другое будет правдой.

Аргументы и факты (прил. Москва) - 1996 - июль (№30) - с. 16

Марк Розовский, грек с 1953 года

- Марк Григорьевич, когда вас называют шестидесятником, вам обидно или приятно?

- Смотря кто и как называет! Может, сегодня все это смешно, но тогда никому смешно не было, я вас уверяю. И когда сейчас шестидесятников пинают ногами и обвиняют в приспособленчестве, меня просто хохот разбирает от этих упреков! Съели бы они такое количество говна, эти сегодняшние достаточно поверхностные ребятишки, которые получили свободу на блюдечке с каемочкой и теперь культивируют какую-то новую псевдацию, выдавая ее за новый авангард!.. Меня это, кстати, безумно раздражает, - именно вот это! Потому что авангардизм может быть только пострадавшим, понимаете?.. Если авангардист не отголодал свое, не отсидел, не отнищенствовал, я такого авангардиста...

- А вы свое отголодали?

- Ну... Во всяком случае никак нельзя сказать, что у меня была сверхсытая молодость. Я создал театр в МГУ - "Наш дом", и это был вполне антисоветский театр, диссиденты всей страны собирались на наши спектакли, и, я помню, приходили люди в ватниках, прямо из лагерей, с вокзалов, их друзья привозили к нам, и КГБ у нас дневало и ночевало, и закрыло "Наш дом" в конце концов, и я остался без дома в полном смысле этого слова, потому что театр мой и был моим домом!.. Сейчас все конъюнктурно бьют себя в грудь и говорят, что они - очень пострадавшие, и мне как-то неудобно, но если уж вы меня спрашиваете, то я могу сказать, что для меня было серьезным переживанием: почему я не вышел со своими друзьями на Красную площадь в 68-м году?! Почему Наташа Горбаневская, мать двоих детей, вышла, а я - нет?..

- И почему же?..

- Я ни перед кем в этом не отчитывался, только перед самим собой, поймите, я сейчас говорю искренне, но не сделал я этого потому только, что мне надо было сохранить театр! И если бы я пикнул, то рухнуло бы дело, рухнул бы "Наш дом", который я с друзьями с 1958 года строил... А так он рухнул все-таки немного позже. Так что это не потому, что я чего-то там боялся и приспособливался.

- Вы ничего не боялись?

- Нет, я и этого не могу сказать! Я никакой не герой и считаю, что бояться - это нормально. Это коммунисты придумали образ бесстрашного, железного, высокоидейного идиота, который как бы ничего не боится! Животное боится, и человек должен бояться опасности! Другое дело, что человек отличается от нечеловека как раз тем, что он умеет преодолевать свой страх... И мы боялись, конечно, боя-

лись, но мы изо всех сил культивировали в себе бесстрашие, и в этом было и озорство тех лет, и игра в безумство храбрых, и само это безумство храбрых...

- Вы, ваше поколение, выросшее среди страха, пропитанное им насквозь, наверное, и не могло вести себя иначе. Сейчас кажется, что самым главным чувством для вас был страх, а самым главным делом - победить его.

- Наверное, так это и было. Мы же все - фантомы этой страны, носороги в этом смысле. Ионеско говорит, что "из честных людей получают честные носороги"... Ну и что, что мы были честными, мы со всеми потрохами принадлежали этой стране, этому "совку" проклятому, который мы ненавидели и плоть от плоти которого были, а иначе и быть мы не могли. Я вообще в этом смысле - классический продукт страха своей матери, и каждая строчка в моем паспорте - дикая история этой страны, потому что в моем паспорте написано: "Розовский Марк Григорьевич, год рождения - 1937-й, дата рождения - 3 апреля, место рождения - Петропавловск-Камчатский, национальность - (только не смейтесь) - грек"! Ну все - бред!.. Я родился в Петропавловске, потому что туда в 1937 году поехали строить социализм мои родители, окончившие строительный институт. Мне было 6 месяцев, когда арестовали моего отца, и бабушка перевезла меня в Москву, и мы жили на Петровке, в страшной совершенно коммуналке, где, кроме нас, жило еще человек 80, и потом к нам вернулась мама, а еще через 10 лет - на несколько дней, тайно, приехал отец, а потом его снова забрали. Но я очень хорошо запомнил этот день, потому что до этого я, десятилетний отрок, ходил с бабушкой и мамой в женскую баню, а отец повел меня в мужскую...

- А греком как вы стали?

- Это случилось в 1953 году. Мне исполнилось 16 лет. Умер Сталин. Вся страна - в диком страхе. Берия еще не спят. Идет "дело врачей", евреи ходят по Москве с подятыми воротниками и говорят друг другу шепотом, что уже подписан указ о депортации в Биробиджан, в Сибирь, еще куда-то. А мне нужно идти получать паспорт. И мама моя вызвала меня "под абажур" - было у нас в комнате такое место для разговоров - и сказала: "Все что угодно, но евреев ты не будешь". "Я тебя заклинаю", - сказала. А она была наполовину русская (по маме), наполовину - гречанка (по папе, dedu моему), и фамилия у нее была - Катапуло. И я, шестнадцатилетний дебил, говорю: "Мама, а фамилию-то как же? То же менять?!" Мне казалось, это очень смешно будет, если я приду в школу и скажу, что теперь я - Катапуло! В итоге

фамилию я оставил Розовский, и получилось еще смешнее - Марк Розовский, грек!.. Кстати, хохму про папу-юриста, которую сейчас тиражирует Жириновский, я изобрел в 1960 году, когда поступил на работу на радио. Меня принимал товарищ Кафтанов, и он у меня спросил: "Да, кстати, а почему вы, собственно, грек?.." Я говорю: "У меня мама - гречанка". А он говорит: "А папа у вас кто?" - "А папа - инженер!" И товарищ Кафтанов встал, вспотел, пожал мне руку и сказал: "У меня нет возражений!" Так меня приняли на работу на радио и посадили за стол напротив Володи Войновича, который долго над этой историей смеялся и потом описал ее в своем очерке про гимн советских космонавтов. Так что все - чистая правда... Но ценность этих историй - не в нашем бахвальстве, не в том, какие мы герои и как мы выжили, а все это к тому, что ничего даром не должно даваться, и свобода - тем более.

- Но разве это не норма - жить в состоянии свободы, а не страха? Разве то, что вы наборолись и пострадали, означает, что все должны за нее бороться вместо того, чтобы принимать как должное?

- Тут есть дикое противоречие! Нам казалось, что, получив свободу, мы немедленно станем счастливыми! Как Ильф когда-то написал: пять тысяч лет человечество мечтало о появлении радио. И вот радио есть, а счастья все нет! И я счастлив, что есть свобода. Но... Я не хочу, чтобы при свободе так же торжествовало хамство, как оно торжествовало при несвободе! Я хочу, чтобы в свободном обществе торжествовал высокий художественный вкус, а не поделка, не понтыра, не дешетка! В нашем обществе объявленной свободы меня поражает чудовищный разгул мерзости и то,

что мы вместо свободного, нормального, высококультурного человека получаем - в условиях свободы - нагловатого пошляка!

- Да он таким и был раньше!
- Совершенно верно, но мне это не нравится. Мне это претит.

- А вы в любовь верите? Вот у вас в театре - премьера, "Ромео и Джульетта"...

- Что?.. В любовь Ромео и Джульетты - верю.

- А в жизни в такую любовь верите?
- Тяжелый вопрос...

- Конечно, это тяжелее, чем про свободу. Про свободу мы все уже научились говорить.

- Пожалуйста, не смейтесь надо мной. Я не сумею вам ответить на этот вопрос. К тому же этот спектакль - не про любовь... Нет, ну и про любовь, конечно, но, в общем-то, знаете, - это про жизнь, а не про любовь. Что такое - "про любовь"? Это про жизнь и смерть! Любовь там - и вообще - только часть жизни! Это, если хотите, - спасение жизни. Ведь каждый человек рождается совершенно одиноким. И одиночество, может быть, самое тяжелое ощущение, которое человек переживает. Но преодолеть одиночество не удастся почти никому. А любовь - это великая попытка преодолеть. И найти опору в другом человеке. И узаконить это все узами брака. Потом оказывается, опора - нет, улы - есть.

- А есть ли у вас человек, который вас знает как облупленного, кого вы никогда не сможете - даже если захотите - обмануть и перед кем вам просто нет смысла играть?

- Я не знаю. Наверное, кому-то из моих друзей кажется, что это так, но я сам не могу про себя сказать, что я себя знаю как облупленного... Нет, я себя не знаю. У меня в афише - видите? - заявлено 17 спектаклей. Они все совершенно разные. Это - 17 разных планет. И если я скажу, что я себя знаю, мне будет очень трудно делать следующий спектакль, потому что следующий спектакль - это следующее познание себя, неизвестного.

- Много ли еще спектаклей впереди, как вы думаете?

- Сейчас будет старческое брюзжание, жалостливое пение... Мне в следующем году - 60, и однажды я поймал себя на мысли: "Ну хорошо, в сезон ты, если будешь хорошо себя чувствовать, поставишь 3 спектакля... В самом-пресамом наилучшем случае ты проработаешь активно 10 сезонов. Значит, сегодня ты должен знать те 30 спектаклей, которые успеешь поставить..." И выходит, я должен забыть в уголочек и там написать в столбик 30 названий, а потом следовать этому столбику неуклонно... А это ужасно! Это претит! Ведь если ты Моцарт - живи сегодняшним днем, и творчество из тебя польется!.. И как бы ты ни планировал, ты - если Моцарт! - должен всегда быть готов к любому взрыву, извию жизни... Поэтому я и говорю, что я жизнь люблю больше, чем искусство, в том числе свое.

Яна ЗУБЦОВА,
Илья АВРАМЕНКО